

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.74:2(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Поступила в редакцию 29.06.2022
Received 29.06.2022

Е. В. Шкурова

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

Аннотация. Одной из ключевых задач современного религиоведения является осмысление феномена религиозности как отражения религии, которое претерпевает заметные трансформации. Динамика восприятия религии, которое в современных реалиях смещается в поле не только религиозных традиций, требует поиска механизмов осмысления религиозного опыта, релевантных потребностям социальных субъектов. Конфессиональная среда Беларуси характеризуется относительной устойчивостью, в условиях которой динамика религиозности осуществляется преимущественно в сфере качественных трансформаций. Применение многомерного кросс-конфессионального подхода к изучению религиозности обеспечивает возможность ее типологии, отражающей специфику этих трансформаций в условиях поликонфессионального общества. Таким образом, в религиозном поле Беларуси религия выполняет в основном нормативную и мировоззренчески ориентирующую функции.

Ключевые слова: религия, религиозность, трансформация религиозности, типология религиозности, многомерный кросс-конфессиональный подход

Для цитирования: Шкурова, Е. В. Типологические особенности религиозности в условиях современного поликонфессионального общества в Беларуси / Е. В. Шкурова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 4. – С. 365–372. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Alena V. Shkurova

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TYPOLOGICAL FEATURES OF RELIGIOSITY IN THE CONDITIONS OF MODERN POLYCONFESSIONAL SOCIETY IN BELARUS

Abstract. One of the key tasks of modern religious studies is to comprehend the phenomenon of religiosity as a reflection of religion, which is undergoing noticeable transformations. The dynamics of religion perception, which in modern realities is shifting to the field not only of religious traditions, requires the search for mechanisms for comprehending religious experience that are relevant to the needs of social subjects. The confessional environment of Belarus is characterized by relative stability, in which the dynamics of religiosity occurs mainly in the sphere of qualitative transformations. The application of a multidimensional cross-confessional approach to the study of religiosity provides the possibility of its typology, reflecting the specifics of these transformations in a multi-confessional society. In this connection, it can be judged that in the religious field of Belarus, religion performs mainly normative and ideologically orienting functions.

Keywords: religion, religiosity, transformation of religiosity, typology of religiosity, multidimensional cross-confessional approach

For citation: Shkurova A. V. Typological features of religiosity in the conditions of modern polyconfessional society in Belarus. *Vesti Natsyonal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 4, pp. 365–372 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-4-365-372>

Введение. В системе социально-гуманитарного знания религия и способ ее отражения – религиозность – устойчиво присутствуют в качестве объекта исследований, но их осмысление является одной из наиболее сложно решаемых задач. Концептуализация религиозности как феномена осуществляется примерно с 1920-х гг. в рамках религиоведения и соответствующих социальных дисциплин с последующей трансформацией механизмов ее понимания. В антропологии религии эта трансформация прослеживается в ее трактовке как универсального фактора социальной и индивидуальной жизни с последующим переходом к пониманию социально-культурной

обусловленности религиозности. В психологии можно отметить изменение от интерпретации религиозности как простого феномена до многомерного. Социология религии начинает ее рассмотрение как групповой характеристики с переходом к учету ее индивидуальной размерности, что легло в основу построения стандартизированных исследовательских методик изучения. В совокупности сложившиеся в социально-гуманитарном знании представления сформировали в религиоведении подход, базирующийся на интерпретации религиозности как многоаспектного явления, проявляющегося в разнообразных формах, причем не только между различными религиозными системами, но и внутри самих религий, и даже в рамках религиозных направлений, и на индивидуальном уровне последователей.

Основная часть. Результатом трансформации обозначенных подходов к пониманию многоаспектности и полифункциональности религиозности является формирование целого ряда разнообразных концептов к интерпретации и операционализации данной категории. Ряд идей основан на попытках поиска функциональных черт религии в других социальных и социально-политических институтах: гражданская (civil) религия Р. Белла (1967) [1], публичная (public) религия Х. Казанова (1994) [2] политическая (political) религия С. Стауэрс (2007) [3], популярная (popular) религиозность в значении «гражданская», или «народная» М. Гарсия (2008) [4], революционная (revolutionary) религиозность А. Шамс (2016) [5].

Заметна группа подходов, связанных с поиском новых религиозных смыслов, в том числе эклектичных, сопряженных с нерелигиозными аспектами повседневности, и, соответственно, направлений функционального влияния религии на жизнь социальных субъектов: псевдо- (pseudo-) религия Й. Вах (1958) [6], квази- (quasi-) религия П. Тиллих (1963), А. Грейл, Д. Руди (1990), Дж. Э. Смит (1994) [7], имплицитная (implicit) религия Э. Бейли (1969) [6], невидимая (invisible) религия П. Бергер, Т. Лукман (1967) [8; 9], кросс-культурная (cross-cultural religiosity) религиозность У. Экхард (1970) [10], ошибочная (being wrong) религиозность У. Шеферд (1974) [11], полисимволическая (polysymbolic) религиозность Л. Кливер (1979) [12], последовательная (consequential) религиозность Дж. Тамни (1985) [13], религиозный бриколлаг (bricolage) Д. Эрвье-Леже (2003) [14; 15], когнитивная религия (в сознании) Й. Сёренсен (2005) [16; 17], гиперреальная (hyper-real) религия А. Поссамаи (2005) [18], открытая (open) религиозность П. Бейер (2013) [19], религиозность, основанная на склонности к использованию «духовных инструментов» М. Уйбу (2016) [20].

Еще одна группа концептов акцентирует внимание на поиске механизмов влияния религиозности на повседневные практики: религиозный супермаркет Г. Мэтьюс (2000) [21], частная и публичная (private and public) религиозность как механизм стимулирования волонтерской деятельности П. Пакстон, Р. Райт, Дж. Глэнвилль (2014) [22], гендерная (gendered) религиозность, определяемая полом, Л. Шнабель (2017) [23], аудиторная / аудиторская (auditee) религиозность, определяющая более высокий этический уровень ведения бизнеса в религиозных странах, Ф. Гуль, А. Нг (2018) [24], современная (modern) религиозность, которая понимается как соответствующая современности религиозная практика, противопоставленная абстрактной «вере» М. Гошадзе (2021) [25].

Многообразие указанных подходов свидетельствует не только о том, что под влиянием факторов социальной динамики трансформируются представления о религиозности, но и о том, что в условиях распространения секулярной культуры удовлетворение религиозных потребностей начинает осуществляться не столько в рамках религиозных традиций, сколько вне их, что в свою очередь требует поиска новых форм выражения религиозного опыта. Это актуализирует вопрос о поиске механизмов интерпретации такого опыта, для чего нужны вариативные объяснительные схемы, соответствующие многообразию форм проявлений религиозности, а также измерительных инструментов, обеспечивающих возможности сопоставления этого многообразия и построения индуктивных выводов.

О некоторой специфике религиозного поля можно судить на основании данных социологических исследований, характеризующих особенности вовлеченности населения в религию, в качестве параметров которой традиционно используются самоотнесение к определенному религиозно-

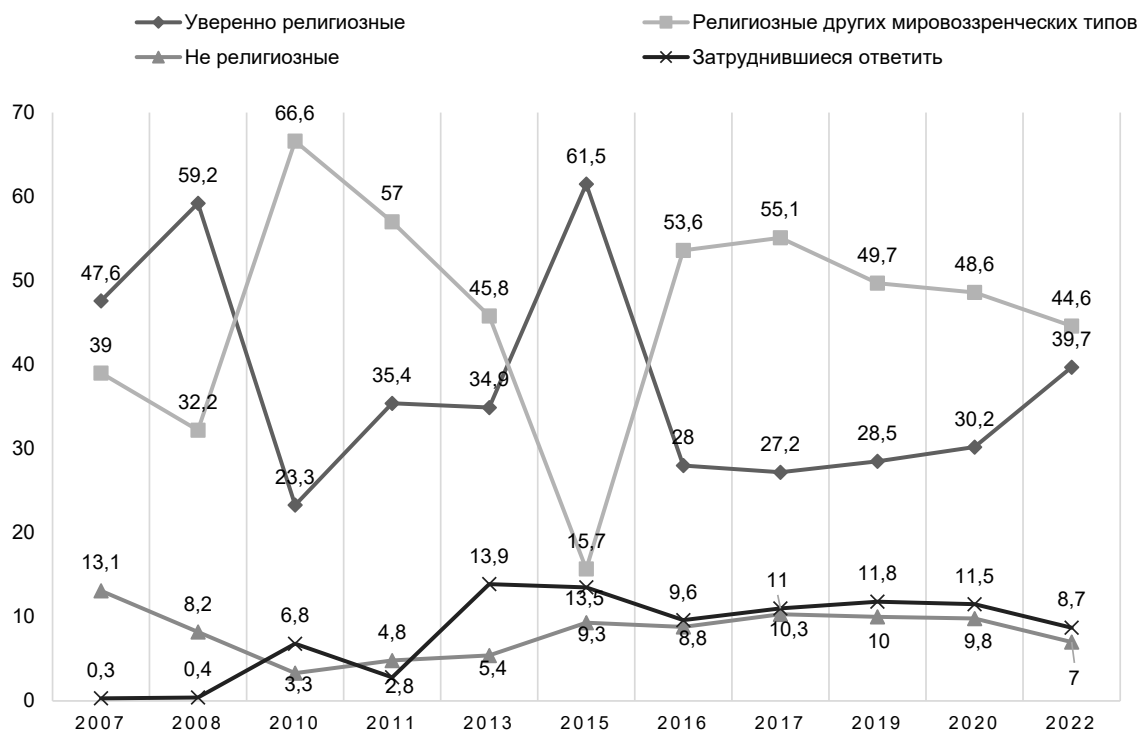

Рис. 1. Динамика религиозно-мировоззренческих типов

Fig. 1. Dynamics of religious and ideological types

мировоззренческому типу и конфессиональная идентификация¹. Совокупность показателей идентификации с определенным религиозным типом характеризует уровень религиозности. При этом если рассматривать религиозность в широком смысле как многоаспектное и сложно структурированное явление, выражающееся в вовлеченности (индивида, группы, общества) в религиозную систему или религиозное движение, которая может проявляться на разных уровнях, то в той или иной степени религиозными можно считать всех тех респондентов, которые не относят себя к нерелигиозному типу. В таком случае уровень религиозности в Беларуси на протяжении последних 10 лет сохраняет относительно устойчивую структуру (общая численность в той или иной степени религиозных людей или затрудняющихся себя идентифицировать составляет около 90 %), а движение происходит между религиозно-мировоззренческими типами (рис. 1).

Конфессиональное поле также характеризуется устойчивостью, обусловленной спецификой исторического присутствия конфессий на территории Беларуси. Это обуславливает и стабильность показателей конфессиональной идентификации населения: приверженность православию приближается к 80 %, около 10 % составляют католики. В числе других конфессий, с которыми связывают себя респонденты, чаще указываются протестантизм, ислам, иудаизм, униатство, старообрядчество (рис. 2).

¹ В 2007–2022 гг. в рамках реализации государственных программ научных исследований Институтом социологии НАН Беларуси осуществляются систематические мониторинговые замеры целого ряда социальных проблем, которые в том числе включали замеры религиозности населения. В качестве генеральной совокупности рассматривалось население страны старше 18 лет. Исследования проводились методом опроса «лицом к лицу» по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе (общий объем в разные годы составлял 1500–2100 человек). Замеры осуществлялись во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). При размере выборочной совокупности в 2100 респондентов она является репрезентативной (ошибка выборки – 2,1 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

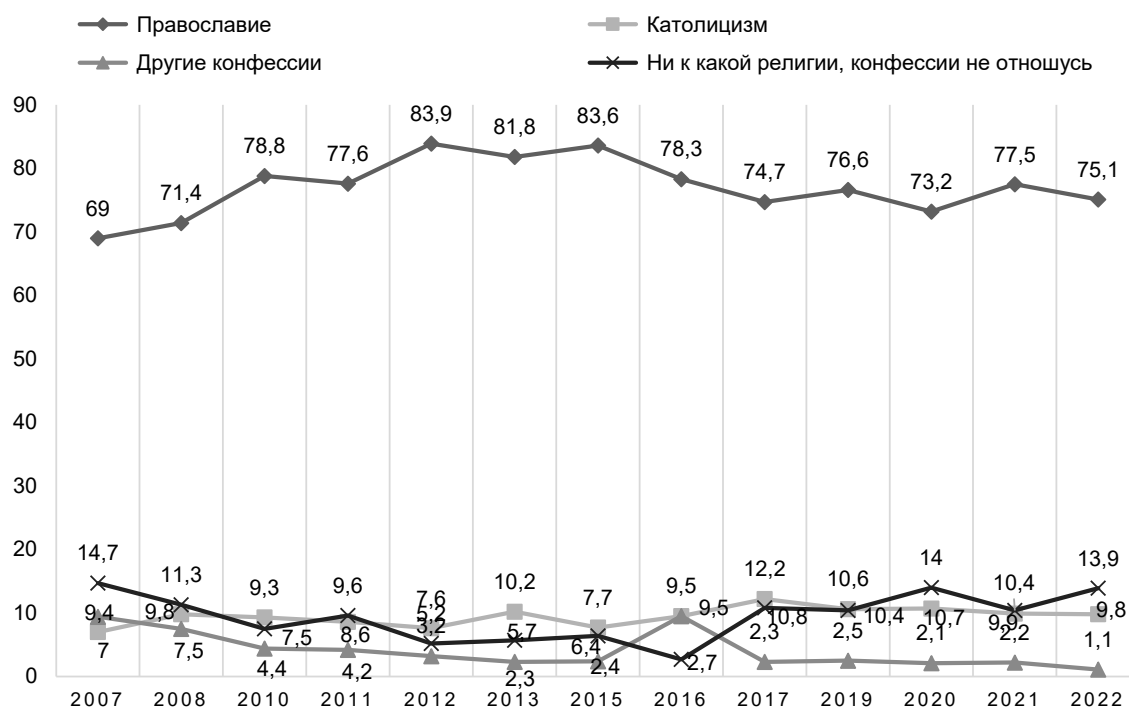

Рис. 2. Динамика конфессиональной идентификации

Fig. 2. Dynamics of confessional identification

Примечательным представляется сопоставление параметров мировоззренческой и конфессиональной идентификации. Среди респондентов, идентифицирующих себя с православием, 42,7 % отнесли себя к уверенно религиозному типу, 49,3 – в той или иной степени к религиозному, 1,6 – к нерелигиозному и 6,1 % затруднились с ответом. Среди приверженцев католицизма значения показателей составили 63,1, 33,6, 0,0 и 2,0 % соответственно. Определенную специфику имеет и нерелигиозная среда: среди респондентов, не считающих себя религиозными, 81,1 % не связывают себя с какой-либо конфессией, еще 17,0 % идентифицируют себя с православием.

Если трактовать религиозность в широком смысле как вовлеченность в религиозную систему, основанную на переживании религиозного опыта как всякого акта участия человека в жизни религиозной традиции (движения), независимо от характера его принадлежности к религии [1, с. 50–51], то можно судить, что в той или иной степени религиозными во всех социальных группах являются 93 % и более респондентов. Это свидетельствует о том, что современная религиозная ситуация в Беларуси характеризуется переходом религии и религиозности в поле качественных трансформаций. Данный факт актуализирует вопрос о поиске механизмов интерпретации религиозности, обеспечивающих возможность отслеживания ее качественных изменений.

Кроме того, при построении методологических оснований исследований необходимо учитывать тот факт, что Республика Беларусь сформировалась как поликонфессиональное государство, и на сегодняшний день сложившаяся ситуация в религиозной сфере предполагает конструирование универсальных измерительных моделей, обеспечивающих изучение религиозности независимо от конфессиональной принадлежности ее носителей и при этом доступность сопоставления и сравнения ее характеристик. Генеральным принципом, обеспечивающим решение поставленных задач, может выступать разработанный многомерный кросс-конфессиональный подход к изучению религиозности. Результатом применения такого подхода является конструирование кросс-конфессиональной типологии религиозности, на основе которой можно судить о специфике религиозной ситуации в Беларуси.

Основой подхода является интерпретация религиозности как интегральной величины, сочетающей различные показатели, по которым можно выявлять ее характеристики и проводить их сравнение. Это обеспечивает возможность отказаться от одностороннего понимания религиозности,

которое не дает возможности проводить сравнение между различными религиозными традициями (например, нельзя сравнить религиозность католика и иудея по регулярности причащения, религиозность православного и мусульманина по частоте исповеди и т. п.). Полученная на основе кросс-конфессиональных показателей интегральная характеристика религиозности становится сравнимой величиной для последователей разных исповедных традиций, направлений, движений, сред. Для такого сравнения необходим поиск ее соответствующих значений, обеспечивающих возможность сопоставления. Основанием для сравнения интегральных значений религиозности является мера ее проявления, эмпирическое выражение которой – степень вовлеченности в религию (показатели ее измерений).

Это позволяет сконструировать теоретическую кросс-конфессиональную типологию религиозности с учетом специфики степеней вовлеченности и особенностей измерений многомерной модели. Компоненты этой модели имеют универсальный характер: все измерения, показатели, переменные шкалированы по степеням вовлеченности в религию, по этим основаниям они подлежат сравнению между собой и сопоставлению с характеристиками типов религиозности. Полученные в ходе эмпирического исследования данные интерпретируются для разных групп респондентов на основе оценки их соответствия степеням (сильная, средняя, слабая, номинальная) и типам религиозности (жертвенная, заинтересованная, абстрактная, декларативная). Они могут отражать как вовлеченность в религиозную систему в целом, так и степень вовлеченности по отдельным измерениям религиозной системы, например, сильная (жертвенная) степень вовлеченности по идейно-мировоззренческому измерению может одновременно соотноситься со средней (заинтересованной) степенью вовлеченности по деятельному измерению и т. п.

Особенности белорусской религиозной среды отражены в таблице. Довольно глубоким можно назвать погружение в идейное содержание (систему представлений) религиозных традиций: религиозные люди преимущественно осведомлены о ключевых исповедных истинах религии, высоко оценивают их значимость и стремятся следовать им. Однако эта осведомленность проявляет себя скорее в отношении общих исповедных положений, знании деталей. Схожая ситуация наблюдается в плане готовности жертвовать ради религии определенными благами, материальными и социальными: значения показателя выше в части словесных заявлений о служении своей религии и снижаются при оценке реальной готовности исповедовать ее. Это свидетельствует о распространенности в идейной религиозной сфере Беларуси заинтересованного и абстрактного типов религиозности, обобщенно соответствующих средней и слабой ее степеням, что свидетельствует об уважении и сочувствии религиозным идеалам без четкого намерения им следовать.

Относительно высокими значениями показателя характеризуется регулярность совершения индивидуальных и коллективных культовых действий, определяющая измерение вовлеченности в систему религиозной деятельности. Однако их значения снижаются при оценке их практикуемых видов: показатели соблюдения норм религиозного благочестия и усилий по религиозному (само)образованию размываются. Параметры религиозной активности выше при оценке регулярности совершения ее определенных форм и снижаются при конкретизации их видов или мотивации. Это свидетельствует о движении от сильной, основанной на искреннем служении религиозной идее, через среднюю к слабой степени религиозности. Соответственно, для деятельного измерения в большей степени характерна частичная распространенность жертвенного и преимущественная – заинтересованного и абстрактного, что предполагает приобщение к религиозной активности как нормативному идеалу.

Высокими значениями показателя декларации принадлежности к религиозным сообществам, которые опять же снижаются при конкретизации указания этих сообществ и статуса в них, а также умеренными значениями показателей значимости сообществ в достижении религиозных целей и участия в их социально-культурной деятельности характеризуется вовлеченность в институциональное измерение религии. Это свидетельствует об относительно широкой распространенности в рамках данного измерения абстрактного, характеризующего уважение к идее без намерения ей следовать, и декларативного, идентифицирующего себя с идеей, типов, а также частичной распространенности заинтересованного типа сочувствующих религиозной идее.

Кросс-конфессиональная типология религиозности населения в современной Беларуси
Cross-confessional typology of religiosity of the population in modern Belarus

Тип религиозности (степень религиозной вовлеченности)	Измерения вовлеченности в религию				Ценности
	Опыт	Представления	Деятельность	Институты	
		Религиозность			
Жертвенный (сильная)	Идейные искания	Идейно- (мировоззренчески) жертвенная	Деятельно- жертвенная	Институционально- жертвенная	Влияние религиозной нормативности
Заинтересованный (средняя)		Идейно- (мировоззренчески) заинтересованная	Деятельно- заинтересованная	Институционально- заинтересованная	
Абстрактный (слабая)	Влияние среды	Идейно- (мировоззренчески) абстрактная	Деятельно- абстрактная	Институционально- абстрактная	
Декларативный (номинальная)		Идейно- (мировоззренчески) декларативная	Деятельно- декларативная	Институционально- декларативная	

Повышает значение степеней вовлеченности и увеличивает удельный вес заинтересованного и жертвенного типа то, что обстоятельства обращения к религии опосредуются преимущественно осмысленностью и потребностью самоопределения. Влияние религиозной позиции на ценностные приоритеты, наоборот, имеет формальный характер, когда религия силой своего авторитета определяет религиозные установки последователей, что повышает значение декларативного типа и смещает степень вовлеченности в сторону номинальной. Таким образом, значения внешних показателей религиозной вовлеченности уравнивают друг друга в силу разной направленности.

На уровне религиозного населения с учетом специфики его вовлеченности во все измерения религии (представления, деятельность, институты) можно отметить, что его религиозность проявляется преимущественно в средней степени, в связи с чем чаще встречается заинтересованный тип, который предполагает сочувствие религии и стремление посылно следовать ее идеалам. Особенности вовлеченности в каждое из измерений религиозной системы (идейное, деятельное и институциональное) дифференцируют степень вовлеченности: в рамках измерения, характеризующего систему религиозных представлений, наблюдается тенденция к распространению идейно- (мировоззренчески) абстрактной религиозности; в измерении религиозной деятельности проявляет себя как деятельно-жертвенная, так и деятельно-абстрактная религиозность; вовлеченность в институциональное измерение характеризуется преимущественно абстрактной и декларативной религиозностью.

Заключение. Характер восприятия социальными субъектами содержания и функций религии раскрывает особенности религиозности конкретного общества в определенном периоде его развития. При этом религия как социальный институт полифункциональна и не только задает смыслы трансцендентного порядка, но и обеспечивает мировоззренческую, нормативно-регулирующую, коммуникативную, ценностную функции. Преобладание в религиозном поле Беларуси заинтересованного и абстрактного типов религиозности свидетельствует о том, что сегодня религия теряет свойственную ей функцию смыслополагания, обеспечивающую установление трансцендентного жизненного ориентира. В современном белорусском обществе религия преимущественно играет роль мировоззренческого ориентира, задающего ценностную рамку, и нормативного регулятора, определяющего границы социально одобряемого поведения. Приоритет таких функций религии при общей высокой оценке ее значимости характерен для обществ, переживающих стадию социальных трансформаций.

Список использованных источников

1. Bellah, R. N. Varieties of civil religion / R. N. Bellah, Ph. E. Hammond. – New York : Harper & Row, 1980. – 208 p.
2. Casanova, J. Public religions in the modern world / J. Casanova. – Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1994. – 320 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190204.001.0001>

3. Stowers, S. The Concepts of 'Religion', 'Political Religion' and the Study of Nazism / S. Stowers // *J. of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42, N 1. – P. 9–24. <https://doi.org/10.1177/0022009407071628>
4. García, M. T. Eight contemporary catholic popular religiosity and U.S. latinos. Expressions of faith and ethnicity / M. T. García // *Católicos: resistance and affirmation in Chicano catholic history* / M. T. García. – Austin, 2008. – P. 251–276. <https://doi.org/10.7560/718401-010>
5. Shams, A. Religiosity and women's access to higher education in the Islamic Republic of Iran / A. Shams // *J. of Middle East Women's Studies*. – 2016. – Vol. 12, N 1. – P. 126–138. <https://doi.org/10.1215/15525864-3422633>
6. Михельсон, О. К. От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности / О. К. Михельсон // *Вестн. Орл. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитар. исслед.* – 2014. – № 6 (41). – С. 255–258.
7. Колкунова, К. А. Концепции квазирелигий в современном зарубежном религиоведении : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / К. А. Колкунова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 22 с.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Меднум, 1995. – 323 с.
9. Luckmann, T. The invisible religion: the problem of religion in modern society / T. Luckmann. – New York : Macmillan, 1967. – 128 p.
10. Eckhardt, W. Cross-cultural religiosity / W. Eckhardt // *Peace Research*. – 1970. – Vol. 2, N 9. – P. 19–20.
11. Shepherd, W. C. On the concept of «Being Wrong» religiously / W. C. Shepherd // *J. of the Amer. Acad. of Religion*. – 1974. – Vol. 42, N 1. – P. 66–81. <https://doi.org/10.1093/jaarel/xlii.1.66>
12. Kliever, L. D. Polysymbolism and modern religiosity / L. D. Kliever // *The J. of Religion*. – 1979. – Vol. 59, N 2. – P. 169–194. <https://doi.org/10.1086/486684>
13. Tamney, J. B. Consequential religiosity in modern society / J. B. Tamney, S. D. Johnson // *Rev. of Religious Research*. – 1985. – Vol. 26, N 4. – P. 360–378. <https://doi.org/10.2307/3511050>
14. Hervieu-Léger, D. Individualism, the Validation of Faith, and the Social Nature of Religion in Modernity / D. Hervieu-Léger // *The Blackwell companion to sociology of religion* / ed. R. K. Fenn. – Oxford ; Malden, 2003. – P. 161–175. <https://doi.org/10.1002/9780470998571.ch9>
15. Михельсон, О. К. Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like феномена в современном религиоведении / О. К. Михельсон // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Философия и конфликтология*. – 2018. – Т. 34, вып. 1. – С. 122–137. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112>
16. Sørensen J. Religion in consciousness: a review article on cognitive religion. *ReligioPolis* [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6186-kognitivnoe-religiovedenie-sp-11388.html>. – Date of access: 30.05.2019.
17. Sørensen, J. Religion in mind: a review article of the cognitive science of religion / J. Sørensen // *Numen*. – 2005. – Vol. 52, N 4. – P. 465–494. <https://doi.org/10.1163/156852705775219974>
18. Possamai, A. Religion and popular culture: a hyper-real testament / A. Possamai. – Brussels : PIE-Peter Lang, 2005. – 176 p.
19. Beyer, P. From atheism to open religiosity: Muslim men / P. Beyer // *Growing Up Canadian: Muslims, Hindus, Buddhists* / ed.: P. Beyer, R. Ramji. – Canada, 2013. – P. 74–111.
20. Uibu, M. Religiosity as a cultural toolbox: a study of Estonian new spirituality / M. Uibu. – Tartu : Univ. of Tartu Press, 2016. – 258 p. – (Dissertationes Theologiae Universitatis Tartuensis ; 32).
21. Mathews, G. Global culture/individual identity: searching for home in the cultural supermarket / G. Mathews. – London ; New York : Routledge, 2000. – 228 p.
22. Paxton, P. Volunteering and the dimensions of religiosity: a cross-national analysis / P. Paxton, N. E. Reith, J. L. Glanville // *Rev. of Religious Research*. – 2014. – Vol. 56, N 4. – P. 597–625. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0169-y>
23. Schnabel, L. Gendered religiosity / L. Schnabel // *Rev. of Religious Research*. – 2017. – Vol. 59, N 4. – P. 547–556. <https://doi.org/10.1007/s13644-017-0302-9>
24. Gul, F. A. Auditee religiosity, external monitoring, and the pricing of audit services / F. A. Gul, A. C. Ng // *J. of Business Ethics*. – 2018. – Vol. 152, N 2. – P. 409–436. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3284-6>
25. Goshadze, M. In chase of 'Modern religiosity' / M. Goshadze // *J. of Religion in Europe*. – 2021. – Vol. 14, N 3–4. – P. 246–271. <https://doi.org/10.1163/18748929-bja10057>

References

1. Bellah R., Hammond Ph. *Varieties of civil religion*. New York, Harper & Row, 1980. 208 p.
2. Casanova J. *Public religions in the modern world*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1994. 320 p. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190204.001.0001>
3. Stowers S. The concepts of 'Religion', 'Political Religion' and the Study of Nazism. *Journal of Contemporary History*, 2007, vol. 42, no. 1, pp. 9–24. <https://doi.org/10.1177/0022009407071628>
4. García M. T. Eight contemporary catholic popular religiosity and U.S. latinos. Expressions of faith and ethnicity. *Católicos: resistance and affirmation in Chicano catholic history*. Austin, 2008, pp. 251–276. <https://doi.org/10.7560/718401-010>
5. Shams A. Religiosity and women's access to higher education in the Islamic Republic of Iran. *Journal of Middle East Women's Studies*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 126–138. <https://doi.org/10.1215/15525864-3422633>

6. Mikhelson O. K. From “pseudo-religion” and “quasi-religion” to “implicit religion”. Theologism in the studies of modern religiosity. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of Orel State University. Series: New Humanitarian Research*, 2014, no. 6 (41), pp. 255–258 (in Russian).
7. Kolkunova K. A. *Concepts of quasi-religions in modern foreign religious studies*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2013. 22 p. (in Russian).
8. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York, Anchor Books, 1966. 219 p.
9. Luckmann T. *The Invisible religion: the problem of religion in modern society*. New York, Macmillan Publ., 1967. 128 p.
10. Eckhardt W. Cross-cultural religiosity. *Peace Research, 1970*, vol. 2, no. 9, pp. 19–20.
11. Shepherd W. C. On the concept of “Being Wrong” religiously. *Journal of the American Academy of Religion*, 1974, vol. 42, no. 1, pp. 66–81. <https://doi.org/10.1093/jaarel/xlii.1.66>
12. Kliever L. D. Polysymbolism and modern religiosity. *The Journal of Religion*, 1979, vol. 59, no. 2, pp. 169–194. <https://doi.org/10.1086/486684>
13. Tamney J. B., Johnson S. D. Consequential religiosity in modern society. *Review of Religious Research*, 1985, vol. 26, no. 4, pp. 360–378. <https://doi.org/10.2307/3511050>
14. Hervieu-Léger D. Individualism, the validation of faith, and the social nature of religion in modernity. *The Blackwell companion to sociology of religion*. Oxford, Malden, 2003, pp. 161–175. <https://doi.org/10.1002/9780470998571.ch9>
15. Mikhelson O. K. Sacralization of the popular. Methodological approaches to religion-like phenomena in contemporary religious studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, iss. 1, pp. 122–137 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.112>
16. Sørensen J. Religion in consciousness: a review article on cognitive religion. *ReligioPolis*. Available at: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6186-kognitivnoe-religiovedenie-sp-11388.html/> (accessed 30.05.2019) (in Russian).
17. Sørensen J. Religion in mind: a review article of the cognitive science of religion. *Numen*, 2005, vol. 52, no. 4, pp. 465–494. <https://doi.org/10.1163/156852705775219974>
18. Possamaï A. *Religion and popular culture: a hyper-real testament*. Brussels, PIE-Peter Lang, 2005. 176 p.
19. Beyer P. From atheism to open religiosity: Muslim men. *Growing Up Canadian: Muslims, Hindus, Buddhists*. Canada, 2013, pp. 74–111.
20. Uibu M. *Religiosity as a cultural toolbox: a study of Estonian new spirituality*. *Dissertationes Theologiae Univesitatis Tartuensiss*; 32. Tartu, University of Tartu Press, 2016. 258 p.
21. Mathews G. *Global culture/individual identity: searching for home in the cultural supermarket*. London, New York, Routledge, 2000. 228 p.
22. Paxton P., Reith N. E., Glanville J. L. Volunteering and the dimensions of religiosity: a cross-national analysis. *Review of Religious Research*, 2014, vol. 56, no. 4, pp. 597–625. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0169-y>
23. Schnabel L. Gendered religiosity. *Review of Religious Research*, 2017, vol. 59, no. 4, pp. 547–556. <https://doi.org/10.1007/s13644-017-0302-9>
24. Gul F. A., Ng A. C. Auditee religiosity, external monitoring, and the pricing of audit services. *Journal of Business Ethics*, 2018, vol. 152, no. 2, pp. 409–436. <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3284-6>
25. Goshadze M. In chase of ‘Modern Religiosity’. *Journal of Religion in Europe*, 2021, vol. 14, no. 3–4, pp. 246–271. <https://doi.org/10.1163/18748929-bja10057>

Информация об авторе

Шкурова Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий центром. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск Республика Беларусь). E-mail: vogel_82@mail.ru

Information about the author

Elena V. Shkurova – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Center. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vogel_82@mail.ru